

**DVOJJAZYČNÁ
KNIHA
PRO MÍRNĚ
POKROČILÉ** ★★

Мастер и Маргарита

Михаил Булгаков

Mistr a Markétka Michail Bulgakov

pro výuku upravila Aljona Podlesnych

- dvojjazyčná kniha
- zrcadlový český překlad
- komentáře k textu

Nahrávka MP3 zdarma na www.albatrosmedia.cz
Pohádky v angličtině namluvené rodilým mluvčím

edika.

Mistr a Markétka

Vyšlo také v tištěné verzi

Objednat můžete na
www.edika.cz
www.albatrosmedia.cz

Michail Bulgakov
Mistr a Markétka – e-kniha
Copyright © Albatros Media a. s., 2018

Všechna práva vyhrazena.
Žádná část této publikace nesmí být rozšiřována
bez písemného souhlasu majitelů práv.

ALBATROS MEDIA a.s.

Michail Bulgakov

Мастер и Маргарита

Mistr a Markétka

**Edika
Brno
2018**

Obsah

Předmluva	5
1 Мастер	6
Mistr	7
2 Маргарита	28
Markétka	29
3 Великий Бал у сатаны	58
Veliký Satanův ples	59
4 Заветное желание	78
Tajné přání	79
5 Встреча после долгой разлуки	92
Setkání po dlouhém odloučení	93
6 Дорога в вечность	112
Cesta do věčnosti	113
Testové úlohy	134
Klíč	136

Předmluva

Román Michaila Afanasjeviče Bulgakova (1891–1940) *Mistr a Markétka* je považován za nejmystičtější román 20. století. Autor na něm začal pracovat koncem 20. let a pokračoval až do své smrti, dokončit ho však nestihl. Vdova po spisovateli provedla redakční úpravy a sjednotila rukopisné poznámky, náčrty, koncepty.

Dílo má poměrně složitou kompozici. Bývá označováno jako „román v románu“, v prostoru *Mistra a Markétky* vzniká ještě jeden román, který píše Mistr, a text tohoto díla se proplétá s textem o osudu samotného *Mistra*. Tato dvě díla (o *Mistru a Pilátu Pontském*) se nacházejí ve složitých vzájemných vztazích, zároveň jsou však propojeny společnou ideou.

Pro studijní účely byla zpracována pouze jedna část díla – román o *Mistrových osudech*. Dějová linka o *Pilátu Pontském* se do této zkrácené verze nedostala. Ovšem pokud naše verze čtenáře zaujme, může si ji přečíst v originále – tedy kompletní román *Mistr a Markétka*.

Do textu jsme umístili odkazy, ve kterých uvádíme historické vysvětlivky, poznámky týkající se státního, společenského a soukromého života ruské společnosti z počátku 20. století. Kromě toho text doprovázejí vysvětlivky frazeologizmů, použitých v textu, jakož i poznámky o gramatických a lexikologických zvláštěnostech ruštiny v porovnání s češtinou.

Důležitou přílohou knihy je i audionahrávka předložené verze románu, namluvená rodilou mluvčí.

1

Мастер

Поэт Иван Бездомный уже пару дней находился на лечении в психиатрической больнице Москвы. Это был плечистый, рыжеватый молодой человек. Сразу после того, как он попал сюда, он попросил у медсестры карандаш и бумагу. Когда она принесла, он торопливо присел к столику и начал писать заявление в милицию*. В заявлении он хотел описать, что с ним случилось и почему он оказался в психбольнице.** Исписанные листки валялись на полу; их сдуло ветром, который влетел в комнату перед началом грозы.

Иван работал усердно, перечеркивал написанное, вставлял новые слова и снова перечеркивал. Заявление поэта становилось все путанее и непонятнее. Иван почувствовал, что обессилел, что с заявлением ему не совладать, не стал поднимать разлетевшихся листков и тихо и горько заплакал. Началась гроза.

Добродушная медсестра навестила поэта во время грозы. Она встревожилась, когда увидела его, закрыла шторы, чтобы молнии не пугали больного. Потом она подняла листки с полу и с ними побежала за врачом. Тот явился, сделал Ивану укол в руку и уверил его, что больше он плакать не будет, что теперь все пройдет и забудется.

Врач оказался прав. Вскоре тоска начала покидать Ивана. Теперь поэт лежал спокойно и глядел на радугу, которая раскинулась по небу. Так продолжалось до вечера. Поэт напился горячего молока, опять прилег и сам удивился тому, как изменилось его состояние. Ему стало тепло и спокойно.

Сон крался к Ивану, как вдруг на балконе возникла таинственная фигура и погрозила ему пальцем.

* **Милиция** – název orgánů práva a pořádku v Rusku po revoluci v roce 1917. V roce 2011 byla milice reorganizována na policii.

1

Mistr

Básník Ivan Bezdomovec byl již několik dní na léčení na psychiatrické klinice v Moskvě. Byl to ramenatý, nazrzlý mladík. Hned jak se sem dostal, řekl si sestře o tužku a papír. Když mu je přinesla, kvapně si sedl ke stolečku a začal psát oznámení na milici. V oznámení chtěl popsat, co se mu přihodilo a proč se ocitl na psychiatrii. Popsané papíry se válely po podlaze; sfoukl je vítr, který vletěl do místnosti před začátkem bouře.

Ivan pracoval usilovně, škrтал, co už napsal, vsouval nová slova a znovu škrтал. Básníkovo oznámení bylo čím dál tím zamotanější a nerosrozumitelnější. Ivan pocítil, že ztratil sílu, že oznámení nezvládne, ani se nepokoušel posbírat rozváté papíry a tiše, usedavě se rozplakal. Spustila se bouře.

Dobromyslná sestra navštívila básníka za bouřky. Zneklidněla, když ho uviděla, zatáhla závěs, aby blesky nemocného neděsily. Pak sebrala papíry z podlahy a běžela s nimi za lékařem. Ten přišel, píchl Ivanovi injekci do ruky a ujistil ho, že plakat již více nebude, že teď všechno pomine a na všechno zapomene.

Lékař měl pravdu. Úzkost Ivana začala brzy opouštět. Nyní básník ležel klidně a hleděl na duhu, která se klenula na nebi. Tak to pokračovalo až do večera. Básník vypil teplé mléko, znovu ulehl a podivil se, jak se změnil jeho stav. Cítil se příjemně a klidně.

Spánek se kradl k Ivanovi, když vtom na balkóně stanula tajemná postava a pohrozila mu prstem.

.....

** Психбольница = психиатрическая больница. Jeden ze způsobu slovo- tvorby v ruském jazyce – vytváření složitě zkrácených slov (медсестра – медицинская сестра, домработница – домашняя работница, запчасть – запасная часть, роддом – родильный дом).

Иван приподнялся на кровати и увидел, что на балконе находится мужчина. Этот мужчина прижал палец к губам и прошептал:

– Тссс!

Иван опустил ноги с постели и всмотрелся. С балкона осторожно заглядывал в комнату бритый темноволосый человек лет тридцати восьми.

Ivan se posadil na posteli a rozeznal, že se na balkóně nachází muž. Tento muž přitiskl prst ke rtům a zašeptal:

„Psst!“

Ivan spustil nohy na podlahu a upřeně se díval. Z balkónu nahlížel do pokoje vyholený, tmavovlasý, asi osmatřicetiletý muž.

Таинственный посетитель убедился в том, что Иван один, и вошел в комнату. На нем была пижама, туфли на босу ногу и темный халат на плечах.

Этот человек подмигнул Ивану, спрятал в карман связку ключей и шепотом спросил:

– Можно присесть?

Иван утвердительно кивнул, и незнакомец сел в кресло.

– Как же вы сюда попали? – шепотом спросил Иван, – ведь балконные решетки на замках?

– Да, на замках, – подтвердил гость, – но медсестра – рассеянный человек. Я украл у нее месяц тому назад связку ключей и получил возможность выходить на общий балкон. А он тянется вокруг всего этажа, поэтому я могу навестить соседа.

– Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете сбежать. Или высоко? – заинтересовался Иван.

– Нет, – твердо ответил гость, – не высоко, только идти мне некуда. Да... – тут гость вдруг встревожился, – но вы, надеюсь, не буйный?

– Вчера в ресторане я одному типу по морде* дал, – мужественно признался поэт.

– Основание? – строго спросил гость.

– Да, признаться, без основания, – сконфузился Иван.

– Безобразие, – осудил гость Ивана и вдруг спросил: –... А кто вы по профессии?

– Поэт, – неохотно признался Иван.

– А как ваша фамилия?

– Бездомный.

– А как же вы попали сюда?

Иван почему-то** испытывал доверие к неизвестному. Он робел и запинаясь, потом осмелел и начал рассказывать.

* **Морда** (hrubé, nadávka) – obličej, ksicht, držka.

Tajemný host se ujistil, že je Ivan sám, a vstoupil do místnosti. Měl na sobě pyžamo, trepky naboso a přes ramena přehozený tmavý župan.

Tento muž mrknul na Ivana, schoval si do kapsy svazek klíčů a šepetem se zeptal:

„Můžu si sednout?“

Ivan kladně přikývl a neznámý se posadil do křesla.

„Jak jste se sem dostal?“ zeptal se šepetem Ivan. „Balkónové mříže jsou přece zamčené?“

„Ano, zamčené,“ potvrdil host, „ale sestra je roztržitá. Před měsícem jsem jí šlohl svazek klíčů, a získal tak možnost vycházet na společný balkón. Táhne se po celé délce poschodí, proto můžu navštívit souseda.“

„Když máte přístup na balkón, tak můžete i pláchnout. Nebo je to vysoko?“ zajímal se Ivan.

„Ne,“ odpověděl pevně host, „není to vysoko, jen nemám kam jít. A stejně...“ znejistěl najednou host, „doufám, že nevyvádíte?“

„Včera v restauraci jsem dal jednomu týpkovi přes hubu,“ přiznal se odvážně básník.

„Důvod?“ zeptal se přísně host.

„No, přiznám se, že bez důvodu,“ zastyděl se Ivan.

„To je ale barbarství,“ odsoudil host Ivana a náhle se zeptal: „... a jaké máte povolání?“

„Jsem básník,“ přiznal se neochotně Ivan.

„A jaké je vaše příjmení?“

„Bezdomovec.“

„A jak jste se sem dostal?“

Ivan z neznámých příčin pociťoval k neznámému důvěru. Nebyl si jistý a zajíkal se, pak se však osmělil a začal vyprávět.

** Přípona *-mo* se poji k tázacím zájmenům a příslovcím a označuje neznámý, neurčitý předmět, osobu, místo, důvod apod.: *кто-то, почему-то, зачем-то*.

Оказывается, вчера, во время прогулки на Патриарших прудах*, он и его знакомый по фамилии Берлиоз встретили очень странного человека. Этот господин показался им иностранцем, потому что говорил с легким акцентом. Он долго дискутировал с Иваном и Берлиозом, и беседа эта была неприятной. Иностранец говорил странные вещи. Например, он заявил, что лично беседовал с философом Иммануилом Кантом. А в конце разговора иностранец намекнул Берлиозу на скорую смерть под колесами трамвая.

Станный человек совершенно вывел из равновесия собеседников, и в конце концов Иван спросил его:

– А вы, гражданин**, никогда не бывали в больнице для душевнобольных?

– Иван!.. – тихо осадил молодого товарища Берлиоз.

Но иностранец ничуть не обиделся и весело рассмеялся.

– Бывал, бывал и не раз! – вскричал он, – где я только не бывал! Жаль только, что я не спросил у профессора, что такое шизофрения. Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– А я всех знаю!

– Да послушайте, кто вы такой? – осведомился Берлиоз.

– Я специалист по черной магии.

Прятели переглянулись в изумлении. И тут только они догадались заглянуть ему в глаза и убедились в том, что левый, зеленый, у него совершенно безумен, а правый – пуст, черен и мертв.

«Так он безумец!» – одновременно мелькнуло в голове каждого из них.

– Погодите немного, я сейчас вернусь! – вдруг сказал собеседникам Берлиоз и быстро пошел прочь.

– А я знаю, куда он торопится! Он побежал вызывать полицию, – захохотал иностранец. – Но до полиции этот господин не дойдет: сейчас трамваем ему отрежет голову.

* **Patriarší rybníky** (Патриаршие пруды) – společné pojmenování místa v centru Moskvy, o němž jsou zmínky od 17. století. Zahrnuje rybník, parčík a obytnou čtvrť. V současnosti se na Patriarších rybnících nachází Bulgakovova muzea – Bulgakovův dům a divadlo Bu.

Vyšlo najevo, že včera, během procházky na Patriarších rybnících, on a jeho známý příjmením Berlioz, potkali velmi zvláštního člověka. Tento pán jim připadal jako cizinec, protože mluvil s lehkým přízvukem. Dlouho s Ivanem a Berliozem debatoval a ta debata nebyla příjemná. Cizinec říkal divné věci. Například prohlásil, že osobně besedoval s filosofem Emanuelem Kantem. A ke konci rozhovoru naznačil cizinec Berliozovi, že brzy zemře pod koly tramvaje.

Divný muž spolubesedníky zcela vykolejil, a nakonec se ho Ivan zeptal:

„A vy, občane, nebyl jste náhodou někdy v nervovém sanatoriu?“

„Ivane!“ okřikl Berlioz polohlasem svého kamaráda.

Ale cizinec se ani trošku neurazil a rozpustile se rozesmál.

„Byl, byl, a ne jednou!“ zvolal. „Kde já všude nebyl! Škoda jen, že jsem se nezeptal profesora, co to je schizofrenie. Takže se ho na to laskavě zeptejte sám, Ivane Nikolajeviči!“

„Odkud znáte mé jméno?“

„Ale já znám všechny!“

„Ale poslyšte, kdo vy vůbec jste?“ zeptal se Berlioz.

„Jsem specialista na černou magii.“

Přátelé se na sebe udiveně podívali. A tu je teprve napadlo podívat se mu do očí a přesvědčili se, že jeho levé oko, zelené, je naprosto šílené, a to pravé je prázdné, černé a mrtvé.

„Tak on je šílený!“ napadlo oba současně.

„Počkejte chvíli, hned se vrátím!“ řekl najednou Berlioz spolubesedníkům a rychle odešel pryč.

„A já vím, kam spěchá! Běžel pro strážníka,“ rozřehtal se cizinec.

„Ale na oddělení policie pán nedojde. Teď mu tramvaj usekne hlavu.“

** Гражданин – forma ústního a písemného oslovení člověka v sovětské a postsovětské společnosti (česky *občan*).

Иван передал эти слова незнакомца, вздохнул и выразительно посмотрел на пришедшего через окно человека. Слушатель не сводил с него глаз и робко спросил:

– Отрезало?

– Да! – выдохнул Иван.

– Боже мой! Боже мой! Я так и знал! – вскричал пришедший. – Я знаю, кто говорил с вами на Патриарших прудах!

– Кто? – в возбуждении вскричал Иван.

Гость взгляделся в него и ответил:

– А вы не будете нервничать?

– Нет, нет! – воскликнул Иван, – скажите, кто он такой?

– Вчера вы встретились с сатаной, – ответил гость.

Ивана поразил этот ответ.

– Не может этого быть! Его не существует.

– Лишь только вы начали его описывать, – невозмутимо продолжил гость, – я уже стал догадываться, с кем вы вчера беседовали. Это был Воланд*!

– И правда! У него буква «В» была на визитной карточке. Так он действительно сатана? А почему меня тогда здесь сумасшедшим называют! – растерянно прибавил Иван...

Гость горько усмехнулся.

– Будем глядеть правде в глаза***: и вы, и я – сумасшедшие! Все, что вы рассказываете о встрече с этим странным человеком, бесспорно, было в действительности. Но это так необыкновенно, что даже Стравинский, гениальный психиатр, вам не поверил.

– Да ведь он тут черт знает чего натворит! Его можно как-нибудь поймать? – не совсем уверенно сказал Иван.

– Вы уже пробовали, и хватит, – иронически отозвался гость, – и другим пробовать не советую. Но до чего мне досадно, что встретились с ним вы, а не я!

* **Woland** (Воланд) dostal své jméno podle Goethova Mefista, se kterým Bulgakov chtěl spojit svého hrdinu, i když pod tímto, ne příliš známým jménem. V ruském překladu poémy se toto jméno objevuje pouze jednou, když Mefisto prosí nečistou sílu, aby ustoupila a nechala ho projít: „Urozený Woland přichází!“ Zvláštní jméno ďábla autor chtěl využít proto, aby nebylo tak jasné, kdo je Woland doopravdy.

Ivan převyprávěl tato cizincova slova, vzdychl a výrazně se podíval na člověka přisedšího oknem. Posлуhač z něho nespouštěl oči a nesměle se zeptal:

„Odseklo?“

„Ano!“ vydechl Ivan.

„Bože můj! Bože můj! Já jsem to věděl!“ zvolal příchozí. „Vím, kdo s vámi mluvil na Patriarších rybnících!“

„Kdo?“ vzrušeně zvolal Ivan.

Host se na něj upřeně zadíval a odpovéděl:

„A nerozruší vás to?“

„Ne, ne!“ zvolal Ivan. „Povězte, kdo to je?“

„Včera jste se setkal s ďáblem,“ odpovéděl host.

Ivana tato odpověď šokovala.

„To není možné! Vždyť neexistuje!“

„Sotva jste ho začal popisovat,“ pokračoval host nevzrušeně, „začalo mi docházet, s kým jste včera diskutovali. Byl to Woland!“

„Opravdu! Měl písmeno „W“ na vizitce. Tak on je skutečně ďábel? A proč mě tedy tady považují za blázna!“ dodal roztržitě Ivan...

Host se hořce usmál.

„Podívejme se pravdě do očí: vy i já jsme blázni! Vše, co vyprávíte o setkání s tím podivným člověkem, se beze sporu odehrálo i ve skutečnosti. Je to však natolik neobvyklé, že dokonce Stravinskij, geniální psychiatr, vám neuvěřil.“

„Ale on tu vyvede čert ví co! Dá se nějak chytit?“ řekl nejistě Ivan.

„Už jste to zkusil a dostal za vyučenou,“ ozval se host ironicky, „a jiným také nedoporučuji to zkoušet. Ale jak jen mě mrzí, že jste se s ním setkal vy, a ne já!“

** **Глядѣть (смотрѣть) правде в глаза (в лицо)** (*fraz.*) – střízlivě hodnotit skutečný stav, situaci.

– А зачем он вам нужен?

Гость загрустил, но наконец заговорил:

– Однажды мне приснился сон, что сатана может мне помочь найти ее – ту женщину, которую я потерял. Она любила меня и оценила мой роман.

– Вы писатель? – с интересом спросил поэт.

Гость погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– Я мастер, – он стал суров и вынул из кармана халата черную шапочку с вышитой на ней буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он мастер. – Она своими руками сшила ее мне, – таинственно добавил он.

– А как ваша фамилия?

– У меня больше нет фамилии, – с презрением ответил странный гость, – я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни.

– Так вы хоть про роман скажите, – деликатно попросил Иван.

– История моя не совсем обыкновенная, – начал гость. – Я историк и еще два года назад работал в одном из московских музеев, а кроме того, занимался переводами. Я знаю пять языков, кроме родного: английский, французский, немецкий, латинский и греческий. Немного еще читаю по-итальянски.

– Ого! – завистливо шепнул Иван.

Жил историк одиноко, у него не было родных и почти не было знакомых в Москве. И, представьте, однажды он выиграл в лотерею сто тысяч рублей.

После выигрыша загадочный гость Ивана бросил работу в музее, купил книг и переехал в подвал маленького домика. Там он начал писать роман.

– Ах, это был золотой век! – шептал рассказчик. – Сто тысяч – громадная сумма! У меня был прекрасный серый костюм, я выходил гулять. Или отправлялся обедать в какой-нибудь дешевый ресторан. Зимой у меня в печке вечно пылал огонь! Я уже заканчивал роман... Но внезапно наступила весна, и вот тогда-то случилось нечто более восхитительное, чем выигрыш ста тысяч рублей.

„A k čemupak vám je?“

Host zesmutněl, ale nakonec se přiznal:

„Jednou se mi zdál sen, že mi Satan může pomoci ji najít – tu ženu, kterou jsem ztratil. Milovala mne a ocenila můj román.“

„Vy jste spisovatel?“ se zájmem se vyptával básník.

Host pohrozil Ivanovi pěstí a pak řekl:

„Jsem Mistr,“ zesurověl a vytáhl z kapsy županu černou čepičku s vyšitým písmenem „M“. Nasadil si ji a předvedl se Ivanovi ze všech stran, aby dokázal, že je Mistr. „Vlastníma rukama mi ji ušila,“ dodal tajuplně.

„A jaké je vaše příjmení?“

„Nemám už více příjmení,“ s opovržením odpověděl divný host, „zřekl jsem se ho, právě jako všeho v životě.“

„Tak mi aspoň povězte o románu,“ poprosil taktně Ivan.

„Můj příběh není zcela obvyklý,“ začal host. „Jsem historik a ještě před dvěma lety jsem pracoval v jednom moskevském muzeu, mimo to jsem se věnoval překladům. Mluvím pěti jazyky, kromě mateřštiny – anglicky, francouzsky, německy, latinsky a řecky. Ještě trochu čtu italsky.“

„No páni!“ zašeptal závistivě Ivan.

Historik žil osaměle, neměl příbuzné a v Moskvě skoro žádné známé. A jednou, považte, vyhrál v loterii sto tisíc rublů.

Po výhře tajemný Ivanův host nechal práce v muzeu, nakoupil si knihy a přestěhoval se do suterénu malého domku. Tam začal psát román.

„Ach, to byly zlaté časy!“ šeptal vypravěč. „Sto tisíc je obrovská suma! Měl jsem nádherný šedý oblek, chodil jsem na procházky. Nebo jsem se vydal na oběd do nějaké levné restaurace. V zimě mi v kamnech stále plápolal oheň. Už jsem skoro dopisoval román..., a vtom přišlo jaro a zrovna tehdy se přihodilo něco daleko úžasnějšího než výhra sto tisíc rublů.“

Тут глаза гостя широко открылись, и он продолжал шептать:

– Она несла в руках отвратительные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на ее черном весеннем пальто. Она повернула с Тверской* в переулок и почему-то обернулась. По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного. И поглядела на меня как-то тревожно, даже болезненно. И меня поразила ее красота и необыкновенное одиночество в глазах!

Я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. Кроме нас там не было ни души**... Внезапно она заговорила:

– Вам нравятся мои цветы?

Я отчетливо помню, как прозвучал ее голос. Я быстро перешел на ее сторону и ответил:

– Нет.

Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг понял, что всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, да? Вы, конечно, скажете, что я сумасшедший?

– Ничего я не говорю, – воскликнул Иван и добавил: – Умоляю, дальше!

И гость продолжал:

– Да, она поглядела на меня удивленно, а затем спросила:

– Вы вообще не любите цветов?

Мне показалось, что в ее голосе была враждебность.

– Нет, я люблю цветы, только не такие, – сказал я.

– А какие?

– Я розы люблю.

* **Tverská ulice** (Тверская́ улица) – jedna z největších v Moskvě. Vede od Kremlu na severozápad k Vítěznému náměstí a je dlouhá asi 1,6 km. Nyní je to také jedna z nejdražších ulic světa, je středem nočního života a zábavy.

Tu se hostovy oči rozšířily a pokračoval šeptem:

„Nesla v náručí odporné žluté květiny. Čert ví, jak se jmenují, ale v Moskvě se neznámo proč objevují první. A ty květiny se naprosto zřetelně odrážely na jejím černém plášti. Na Tverské zabočila do boční uličky a bůhví proč se ohlédla. Po Tverské šly tisíce lidí, ale ručím vám, že viděla jenom mě. Pohlédla na mne jaksi neklidně, spíše bolestně. A mne nevýslovně upoutala její krása a zvláštní osamělost v očích.“

Také jsem zahrnul do boční uličky a vydal se v jejích stopách. Kráčeli jsme po uličce mlčky, já po jedné straně, ona po druhé. Mimo nás tam nebylo živé duše..., vtom promluvila:

„Líbí se vám moje květiny?“

Přesně si vybavuji, jak zazněl její hlas. Kvapně jsem přešel na její stranu a odpověděl:

„Ne.“

Pohlédla na mě překvapeně a já si najednou uvědomil, že celý svůj život jsem miloval právě tuhle ženu! To je co? Samozřejmě řeknete, že jsem blázen.

„Nic neříkám,“ zvolal Ivan a dodal: „snažně vás prosím, pokračujte!“

A host pokračoval:

„Ano,“ pohlédla na mne udiveně a pak se zeptala:

„Vy nemáte vůbec rád květiny?“

Zdalo se mi, že její hlas zněl nepřátelsky.

„Ne, mám rád květiny, jenom ne takové,“ řekl jsem.

„A jaké?“

„Mám rád růže.“

** Ни души (fraz.) – nikdo, nikde nikdo, ani jediný, ani živáčka, ani noha.

Она виновато улыбнулась и бросила свои цветы в канаву. Так мы шли молча некоторое время, пока она не продела свою руку в мою, и мы пошли рядом. Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!*

Потом она утверждала, что мы уже давно любили друг друга, когда еще не знали и не видели друг друга... Она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел. И если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста.

Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет. На другой день мы встретились на Москве-реке**. И скоро эта женщина стала моею тайной женой. Она приходила ко мне каждый день. Никто не знал о нашей связи, за это я вам ручаюсь. Не знал ее муж, не знали знакомые. С того дня мы стали совершенно неразлучны.

Каждый день она приходила ко мне и первым делом надевала фартук и готовила завтрак, а потом накрывала его на овальном столе. Я работал. А она перечитывала написанное и шила вот эту самую шапочку. Она пророчила мне славу, называла меня мастером...

– Когда я закончил роман, настал час покинуть тайный приют и выйти в жизнь. И я вышел в жизнь с романом в руках, и тогда моя жизнь кончилась, – прошептал мастер и поник головой. Он стал рассказывать дальше, но несколько бессвязно. Было понятно, что с гостем Ивана случилась какая-то катастрофа.

– Я впервые попал в мир литературы, но теперь вспоминаю о нем с ужасом! – прошептал мастер. – Когда редактор прочитал мой роман, он смотрел на меня так, как будто у меня щека была раздута флюсом.

Вопросы, которые он мне задавал, показались мне сумасшедшими. Он говорил со мной не о романе, а спрашивал, кто я таков, давно ли пишу и почему обо мне ничего не было слышно раньше. А потом

* Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! – fraze z romanu, ktera se stala aforismem.